

Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. – макрорегиональные особенности

Никита Владимирович Мкртчян
(Mkrtchan2002@rambler.ru), Институт
социального анализа и прогнозирования
РАНХиГС, Россия.

Internal migration in Russia in the 2010s: macroregional features

Nikita Mkrtchyan
(Mkrtchan2002@rambler.ru), Russian
Presidential Academy of National
Economy and State Service, Russia.

Резюме: В статье на основе данных о внутренней миграции в 2011-2020 гг. проанализированы крупнейшие потоки миграции в России, оцениваются результаты перетока населения между крупными частями страны. Временные рамки исследования (2011-2020 гг.) определяются изменением методики учета миграции в России с 2011 г. С ними связаны изменения фиксируемых Росстатом ежегодных объемов миграции, всплеск и затухание перетока населения между отдельными частями страны и группами населенных пунктов, четкое проявление возрастных особенностей миграции. Расчеты выполнены с использованием индивидуальных деперсонифицированных данных мигрантов, позволяющих 1) выделить первичные регистрации и так называемый «автовозврат» в каждом потоке миграции; 2) не ограничиваться рамками регионов при выделении частей страны и отдельных «полюсов» миграционного прироста. Результаты исследования показывают, что в реальности масштабы внутренней миграции в России в 2010-е годы мало изменились, переток между крупными частями страны остался на уровне предшествующих десятилетий, крупнейшие центры притяжения мигрантов (агломерации Москвы и Санкт-Петербурга) упрочили свое положение. Миграция осуществляется в студенческих и молодых трудоспособных возрастах, однако в отдельных частях страны в потоках велика доля лиц старших возрастов.

Ключевые слова: статистика миграции, Дальний Восток, Зона Севера, Центры притяжения мигрантов, возраст мигрантов, агломерации.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Для цитирования: Мкртчян Н.В. (2023). Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. – макрорегиональные особенности. Демографическое обозрение, 10(3), 21-42. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17968>

Abstract: The article analyzes the largest migration flows within Russia based on data from internal migration in the years 2011-2020. It evaluates the outcomes of population movement between major regions of the country. The time frame of the study (2011-2020) is determined by changes in the methodology of migration accounting in Russia since 2011. These changes are associated with fluctuations in the annual migration volumes reported by Rosstat, as well as the influx and outflow of the population between specific regions and population groups, highlighting distinct age-related migration patterns. The calculations were conducted using individual de-identified migrant data, enabling the identification of initial registrations and so-called "auto-return" in each migration flow. The analysis is not limited to regional boundaries when identifying different parts of the country and specific migration "hotspots." The study's findings indicate that the scale of internal migration in Russia during the 2010s has remained relatively unchanged, with population movements between major regions remaining at similar levels to previous decades. The major attraction centers for migrants, such as the Moscow and St. Petersburg agglomerations, have solidified their positions. Migration primarily occurs among students and young working-age individuals, although in certain parts of the country there is a significant proportion of older individuals within the migration flows.

Keywords: migration statistics, Far East, North Zone, Centers of migration attraction, age of migrants, agglomerations.

Funding: The article was prepared as part of the research work of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

For citation: Mkrtchyan N. (2023). Internal migration in Russia in the 2010s: macroregional features. Demographic Review, 10(3), 21-42. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17968>

Завершение 2010-х годов позволяет оценить переток населения между отдельными частями страны в результате внутренней миграции в это десятилетие. В данной статье сделана попытка подытожить результаты внутренней миграции на «макроуровне» между крупными частями России, которые, как представляется автору, объединены внутренним сходством и одновременно отличаются от других схожих по размеру и роли в миграционном поле страны групп регионов.

Изменившаяся в 2010-е годы по сравнению с предшествующими десятилетиями система учета долговременной миграции в России сильно затрудняет сравнения с предыдущими периодами и одновременно позволяет понять, что мы можем говорить с опорой на статистические данные не о точных цифрах перетока населения, а скорее об интервальных их значениях. Как ни странно, за прошедшие больше чем десять лет со времени изменений в учете миграции далеко не все исследователи и тем более управленцы отдают себе отчет в том, что публикуемые Росстатом цифры нельзя использовать без определенных процедур их «препарирования»; что динамика миграционных показателей по отдельным регионам в течение 2010-х годов зачастую связана не с реальными процессами, а со спецификой их учета. На примере отдельных макропотоков (между крупными частями страны) в данной статье продемонстрировано, что, в зависимости от того, как мы считаем, те или иные тенденции межрегиональной миграции могут быть поставлены под сомнение, а какие-то и вовсе являться статистическим артефактом.

Знакомство с последними исследованиями внутренней миграции показывает очень большую пестроту тематик. Как представляется, в контексте нашего исследования можно выделить несколько ключевых тем. Прежде всего, во многих развитых странах (США, Австралии и др.) исследователи заняты выяснением многообразных причин сокращения внутренней миграции (Sunganani et al. 2020; McCollum et al. 2020; Bernard, Pelikh 2019), этот вопрос представляет, судя по публикациям, большую исследовательскую задачу. При этом аналитики, занятые сравнительным изучением внутренней миграции в разных странах, сообщают, что в отдельных странах Европы годовая интенсивность внутренней миграции растет (Alvarez, Bernard, Lieske 2021).

В странах с высокой концентрацией населения в столичных мегаполисах продолжается изучение роли последних в общестрановом перемещении населения. Так, в Великобритании, несмотря на снижение масштабов межрайонного перетока населения, Лондон остается «ключевой движущей силой» миграции (Lomax et al. 2014). Продолжается концентрация населения в крупнейших мегаполисах в Китае (Tao et al. 2015) и других странах догоняющего развития. Отметим, что появляются и новые ракурсы изучения внутренней миграции. Так, связь внутренней миграции с природно-климатическими условиями и последствиями хозяйственной деятельности человека прослеживается в Китае, где на нее оказывает влияние, например, эрозия почв (Zhang, Zhuang 2019).

Наконец, при исследовании внутренней миграции, особенно между крупными частями стран, большой успех достигается путем дезагрегации потоков миграции. Так, в Германии потоки между бывшими западной и восточной частями дезагрегируются по гражданству (в стране значительная часть населения не имеет германского гражданства), возрасту и полу (Stawarz et al. 2020). Значимость возрастных характеристик

мигрантов и населения, важность использования качественных статистических данных демонстрируют многие исследования (DeWaard et al. 2019).

Наша работа ставит целью проанализировать внутреннюю миграцию в макромасштабе, ее роль в перетоке населения между крупными частями страны. В расчетах продемонстрирована сложность оценки масштабов миграции в современной России, связанная с действующей с 2011 г. новой методикой учета долговременной миграции.

Методика и данные

Наряду с общепризнанным делением России на федеральные округа, в статье проанализированы районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности (далее – Север), из которых исключены территории Севера, относящиеся к Республикам Тыва и Алтай. Последние рассматриваются вместе с другими территориями Юга Сибири. Кроме этого, в отдельных случаях расчет проведен по крупногородским агломерациям Москвы, Санкт-Петербурга и других (с числом жителей 250 тыс. человек и более) городов России. Эти агломерации состоят из центров (ядер), вокруг которых они формируются, а также населенных пунктов, отнесенных к их внешней зоне. В случае Москвы и Санкт-Петербурга ядра равны по территории и населению данным федеральным городам в их нынешних границах; в других крупных городах они состоят из населения собственно городских населенных пунктов (НП). Если в составе городского округа этих городов есть другие НП, они в состав ядер не включаются. Внешняя зона агломераций ограничена радиусом, величина которого зависит от численности населения, проживающего в ядре. Для Москвы и Санкт-Петербурга этот радиус определен в 100 км, для остальных городов с числом жителей свыше 750 тыс. человек – в 50 км, для городов с числом жителей от 250 до 750 тыс. человек – в 30 км. Как показывают расчеты, примерно на таком удалении от крупных городов соответствующего размера поддерживается положительный миграционный прирост населения (Карачурина, Мкртчян, Петросян 2021). Тем самым показатели миграции рассчитывают не для крупных городов, а для городских агломераций; в данной статье проанализирован показатель миграционного прироста (убыли). Подробно этот подход рассмотрен в (Мкртчян, Гильманов 2023а).

Мы использовали индивидуальные деперсонифицированные данные о внутренней миграции в России за 2011-2020 гг., предоставленные Росстатом¹, благодаря которым в нашей работе есть «инновации», ранее не применявшиеся в подобных расчетах. Прежде всего, это учет влияния автовозврата на макропотоки, что стало возможным с появлением доступа к соответствующим массивам данных о миграции. Во-вторых, анализ миграции вели не на региональном, а на более пространственно детализированном уровне, вплоть до отдельных населенных пунктов, что позволило выделить, например, Крайний Север и приравненные к ним местности, крупногородские агломерации и проанализировать результативность их миграционных связей с другими частями страны.

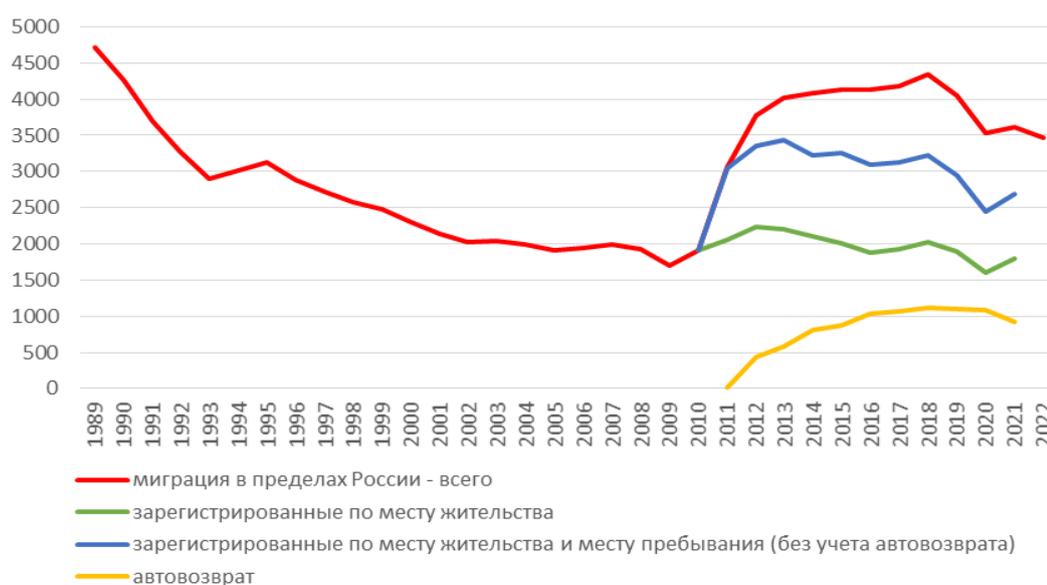
¹ Данные Росстата о миграции получены в результате разработки документов статистического учета прибытий и выбытий, поступающих от территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации (с 2019 г. – форм федерального статистического наблюдения), которые составляются при регистрации и снятии с регистрационного учета населения по месту жительства, а также при регистрации по месту пребывания на срок 9 месяцев и более (Росстат 2023).

Наконец, используемые данные позволили анализировать миграцию по предельно дезагрегированным возрастным группам участвующего в ней населения.

Масштабы внутренней миграции в 2010-е годы

Объемы миграции в пределах России, публикуемые Росстатом в последние три десятилетия, существенно менялись. Вплоть до 2010 г. внутренняя миграция снижалась – в 1990-е годы быстрыми темпами, в 2000-е практически вышла на плато, продолжая немного стагнировать. Однако, согласно расчетам от итогов Всероссийской переписи населения 2002 г. (ВПН-2002), выявившей недоучет не только международной, но и внутренней миграции, в 1990-е годы число переселений не падало ниже 3 млн человек (Мкртчян 2009). Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН-2010), за год до ее проведения 2,6 млн человек меняли место жительства на территории России, а если пропорционально распределить не указавших территорию проживания между проживавшими в России и других странах, то это число увеличивается до 2,8 млн человек. Получается, что и в 2000-е годы число внутривнутристрановых миграционных перемещений не падало существенно ниже 3 млн человек.

Рисунок 1. Миграция в пределах России по видам регистрации, тыс. человек

Источник: Росстат.

С 2011 г. Росстат изменил методику учета долговременной миграции в России, включив в разработку данные о зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более. В результате объемы учтенной миграции уже к 2012-2013 гг. удвоились по сравнению с 2000-ми годами с 2 до 4 млн человек, после чего объемы стабилизировались на данном уровне вплоть до самых последних лет (рисунок 1). Однако новая методика предполагала, что по окончании срока регистрации по месту пребывания человек становится автоматически выбывшим к месту постоянного жительства (в статистических разработках – «возвратились к месту жительства после временного пребывания на другой территории», далее – автовозврат), и это также учитывается как долговременная миграция. Поначалу число таких переселений было невелико, но уже к

2014 г. оно превысило 20% всех учтенных переселений, а с 2016 г. устойчиво превышает 25% от них.

Число переселений, основанием для регистрации которых оставалась регистрация по месту жительства (как это было до 2011 г.), практически не менялось в 2010-е годы. Число же новых регистраций по месту пребывания составляло ежегодно 1-1,25 млн человек, в 2020 г. оно снизилось до 0,83 млн. В результате число регистраций по месту жительства и месту пребывания (все регистрируемые Росстатом переселения, за исключением автовозврата) все 2010-е годы составляло 3-3,4 млн, в последние годы оно стало сокращаться.

Получается, что число реальных, основанных на регистрации, а не «автоматически возвращенных», мигрантов не превышало или практически не превышало уровень в 3 млн человек и, видимо, не сильно отличалось от реального объема внутристрановых переселений в 1990-2000-е годы. Вероятно, рост объема переселений до уровня, наблюдаемого в самом начале 1990-х годов (до более чем 4 млн человек), близок к статистическому артефакту. Как показывают результаты многолетних полевых исследований, в реальности по окончании срока временной регистрации большинство мигрантов, например, молодежь, уезжающая учиться в крупные города, не возвращается к месту постоянного проживания. Многие либо остаются проживать без регистрации, либо оформляют новую регистрацию в том же населенном пункте или переезжают в другой регион или населенный пункт, где и оформляют новую регистрацию. Но утверждать, что никто не возвращается к месту постоянного проживания, мы также не можем, такие случаи, несомненно, имеют место. Поэтому в реальности объем переселений в России в 2010-е годы находился в границах между 3 и 4 млн человек, ближе к нижней границе этого диапазона.

Помимо искажения масштабов миграции в России, автовозврат существенно искажает картину перераспределения населения между отдельными частями страны, между населенными пунктами и их группами, как будет показано ниже. Обычно чем выше масштабы миграции, тем больше переток населения между отдельными частями страны, тем больше «напряженность» миграционного поля. Однако в силу того, что автовозврат осуществляется в строго обратном направлении от преобладающих потоков переселений, фиксируемых при помощи регистрации по месту пребывания, он, напротив, сглаживает картину перетока населения. Только временной лаг автовозврата (от 9 месяцев до 5 лет, обычно – 1-3 года) позволил резко увеличить переток населения в начале 2010-х годов. Однако уже к 2016 г. вследствие автовозврата масштабы перетока населения вернулись к значениям 2000-х годов (Захаров 2018: 383-386). Автовозврат очень сильно искажает и структурные характеристики миграции (Мкртчян 2020), но этот вопрос в данной статье затрагиваться не будет.

Перераспределение населения между крупными частями страны

В 2010-е годы в результате внутренней миграции население стягивалось в Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа. Такая картина перетока населения в пределах страны на макроуровне сложилась уже три десятилетия назад, сдвиг с востока на запад (западный дрейф), с севера на юг устойчивы на протяжении уже долгого времени. Автовозврат не меняет эту картину, но существенно снижает масштабы перетока населения, в особенности в направлении Центрального и Северо-Западного федеральных

округов, где расположены две основные российские крупногородские агломерации. Данные, которые публикует Росстат (с учетом автовозврата), показывают масштабы перетока в эти три округа в размере 1,8 млн человек, без учета автовозврата переток возрастает до 2,6 млн, т.е. в 1,5 раза (таблица 1). При этом больше всего автовозврат занижает отток населения из Приволжского и Северо-Кавказского округов (более чем в 1,7 раза), в то время как отток из Уральского округа без его учета увеличивается только в 1,1 раза.

Дальневосточный федеральный округ, располагаясь в месте, где «зарождается» западный дрейф, терял население со всеми округами, при этом в миграционном обмене с Северокавказским округом потери были чисто символические. Без учета автовозврата Дальний Восток получает очень небольшой прирост в миграции с Северным Кавказом, что, конечно же, не меняет его положения как территории устойчивого миграционного оттока.

Масштабы убыли снижаются от Дальневосточного округа к Уральскому, где западный дрейф уже начинает не только «отбирать» население, но и компенсировать потери за счет регионов, расположенных еще восточнее. Однако Уральский округ получает значимый приток и с запада, из Приволжского и Северо-Кавказского округов. Свидетельствует ли это о повороте западного дрейфа вспять, хотя бы в отдельных локальных проявлениях? Мы в этом не уверены, полагая, что здесь имеем дело с устойчивым миграционным оттоком населения, свойственным Северному Кавказу уже тридцать лет, а Приволжью – последние два десятилетия. Этот отток связан не с макроположением данных регионов, а с широким перечнем причин социально-экономического характера, подробный анализ которых не входит в задачи данного исследования. По абсолютным масштабам миграционной убыли Приволжский округ лидирует, а по относительным в последнее десятилетие может вполне поспорить с Дальневосточным, особенно без смягчающего отток автовозврата.

Оценки масштабов западного дрейфа, рассчитанные исходя из размеров миграционной убыли трех округов Азиатской части России, по данным Росстата, составляли за 2011-2020 гг. почти 0,9 млн человек (таблица 2). Если же не учитывать автовозврат, они возрастут почти до 1,2 млн или на треть. Согласно данным текущего учета, в 1991-2000 гг. масштабы западного дрейфа составили 929 тыс. человек, а в 2001-2010 гг. – 563 тыс. (Мкртчян, Карачурина 2014). Но итоги двух первых постсоветских переписей существенно, почти вдвое скорректировали масштабы оттока. По оценке автора, за 1991-2000 гг. он почти удвоился, составив 1730 тыс. человек, за 2001-2010 гг. – 1060 тыс.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., фактически проведенной в 2021 г. (ВПН-2020), население Сибирского и Дальневосточного округов недосчиталось более 200 тыс. человек, Уральский округ если и потерял, то немного. Получается, что масштабы западного дрейфа близки к нашей оценке его без учета автовозврата, т.е. 1,2 млн, возможно, и несколько превышают его. От более-менее точных оценок масштабов западного дрейфа в 2010-е годы по итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. пока стоит воздержаться, так как Росстат не опубликовал итоги пересчетов миграции населения. Кроме того, результаты этой переписи хуже предыдущих, поэтому есть сомнения, стоит ли вообще на них опираться в данных расчетах. Получается, что западный дрейф в 2010-е годы был меньше, чем в 1990-е, но больше, чем в 2000-е. И это несмотря на то, что потенциал оттока из восточных округов России сильно сократился за предшествующие два десятилетия.

Таблица 1. Нетто-миграция между федеральными округами России, с учетом и без учета автовозврата, 2011-2020, тыс. человек

При миграции с территориями:	Миграционный прирост (убыль) для территорий:								
	Россия, всего*	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Вся миграция (с учетом автовозврата)									
Россия, всего*	0,0	1114,6	364,5	258,5	-302,9	-549,3	-128,7	-362,8	-394,0
Центральный ФО	-1114,6	0,0	-49,9	-134,1	-141,0	-405,7	-106,6	-157,9	-119,5
Северо-Западный ФО	-364,5	49,9	0,0	-18,9	-49,7	-103,0	-61,2	-95,1	-86,5
Южный ФО	-258,5	134,1	18,9	0,0	-68,2	-62,8	-71,5	-113,9	-95,2
Северо-Кавказский ФО	302,9	141,0	49,7	68,2	0,0	7,9	34,3	2,2	-0,4
Приволжский ФО	549,3	405,7	103,0	62,8	-7,9	0,0	24,5	-17,9	-20,9
Уральский ФО	128,7	106,6	61,2	71,5	-34,3	-24,5	0,0	-40,1	-11,7
Сибирский ФО	362,8	157,9	95,1	113,9	-2,2	17,9	40,1	0,0	-59,8
Дальневосточный ФО	394,0	119,5	86,5	95,2	0,4	20,9	11,7	59,8	0,0
Вся миграция (без учета автовозврата)									
Россия, всего*	0,0	1720,5	680,4	242,1	-527,6	-954,2	-142,8	-541,2	-477,2
Центральный ФО	-1720,5	0,0	-35,2	-247,2	-237,0	-649,1	-157,2	-239,3	-155,4
Северо-Западный ФО	-680,4	35,2	0,0	-59,7	-92,2	-195,4	-98,1	-149,9	-120,2
Южный ФО	-242,1	247,2	59,7	0,0	-114,2	-87,0	-91,0	-149,8	-107,1
Северо-Кавказский ФО	527,6	237,0	92,2	114,2	0,0	16,9	52,6	9,9	4,7
Приволжский ФО	954,2	649,1	195,4	87,0	-16,9	0,0	73,6	-19,0	-15,0
Уральский ФО	142,8	157,2	98,1	91,0	-52,6	-73,6	0,0	-64,2	-13,1
Сибирский ФО	541,2	239,3	149,9	149,8	-9,9	19,0	64,2	0,0	-71,0
Дальневосточный ФО	477,2	155,4	120,2	107,1	-4,7	15,0	13,1	71,0	0,0

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

По данным, публикуемым Росстатом (таблица 2), ежегодные масштабы западного дрейфа в 2012-2019 гг. составляли от 80 до 108 тыс. человек с максимумом в 2013 г., а в 2020 г. они существенно снизились вместе с достаточно значимым сокращением общих объемов внутренней миграции в первый год пандемии COVID-19. Без учета автовозврата масштабы дрейфа нарастают вплоть до 2018 г., после чего начали снижаться синхронно с сокращением объема внутрироссийской миграции. При этом отток с Дальнего Востока снижался с середины десятилетия, а миграционная убыль Сибири и Урала, напротив, вплоть до 2019 г. нарастала. Видимо, снижение оттока с Дальнего Востока снизило их подпитку за счет западного дрейфа.

Отток с территорий Крайнего Севера и приравненных к ним местностей – второе, столь же значимое, как и западный дрейф, направление межрегионального перетока населения в России на макроуровне. Его масштабы в 2010-е годы составили 0,7 тыс. человек, а если не учитывать автовозврат, то 0,85 млн. (таблица 3).

Таблица 2. Миграционный прирост (убыль) населения округов Азиатской части России, 2011-2020, тыс. человек

Год	Всего		Уральский		Сибирский		Дальневосточный	
	всего	без автовозврата	всего	без автовозврата	всего	без автовозврата	всего	без автовозврата
2011	-73,6	-73,3	1,9	2,3	-28,3	-28,5	-47,2	-47,2
2012	-80,9	-84,1	-1,6	5,5	-29,0	-37,8	-50,2	-51,9
2013	-107,8	-112,1	-16,3	-4,6	-38,5	-50,2	-52,9	-57,3
2014	-96,4	-114,8	-14,2	-9,3	-36,4	-53,1	-45,8	-52,4
2015	-101,8	-127,6	-20,4	-19,1	-38,0	-55,3	-43,4	-53,1
2016	-89,1	-123,6	-15,7	-18,6	-37,6	-58,0	-35,8	-47,0
2017	-96,0	-133,3	-20,0	-24,0	-40,9	-62,7	-35,1	-46,6
2018	-99,4	-146,2	-18,4	-27,3	-44,5	-69,7	-36,4	-49,1
2019	-86,8	-137,1	-20,5	-29,5	-40,3	-68,3	-26,0	-39,2
2020	-53,7	-124,4	-3,4	-33,4	-29,2	-57,6	-21,1	-33,4
Итого	-885,4	-1176,5	-128,7	-158,1	-362,8	-541,2	-394,0	-477,2

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

Отметим, что отток с Севера является компонентом западного дрейфа, так как многие его территории находятся в Азиатской части страны. Получается, большая часть миграционной убыли Севера может быть отнесена на западный дрейф, и наоборот, часть западного дрейфа может быть отнесена на отток с Севера. Если рассматривать эти макропотоки отдельно, получается, что из публикуемых Росстатом цифр (без учета автовозврата) отток с Европейского Севера составит 253 тыс. человек, отток с севера Азии (северная часть западного дрейфа) – 450 тыс., с юга Азии – 435 тыс., т. е. немного меньше, чем с севера Азии. Но, учитывая, что в рассмотренный промежуток времени 191 тыс. миграционной убыли территорий севера Уральского, Сибирского и Дальневосточного округов пришлось на отток на юг из этих округов, соотношение оттока с севера и юга Азиатской России в общем объеме западного дрейфа изменится до 258 и 627 тыс. соответственно.

Поэтому север Азии (Урала, Сибири и Дальнего Востока) все же «ответственен» за менее чем 1/3 западного дрейфа. Без учета автовозврата роль севера Азии в западном дрейфе снижается до 1/4 его общего объема. Это означает, что юг Урала, Сибири и Дальнего Востока компенсирует за счет миграции с севера порядка 30% оттока в Европейскую часть страны. При этом отметим, что интенсивность оттока с Азиатского севера вдвое выше, чем с юга этой части страны.

Здесь следовало бы отметить, что на Азиатский север приходится всего 17% населения трех азиатских федеральных округов. Поэтому 1/3 – довольно большая величина. Интенсивность оттока примерно вдвое выше средней по азиатской части России.

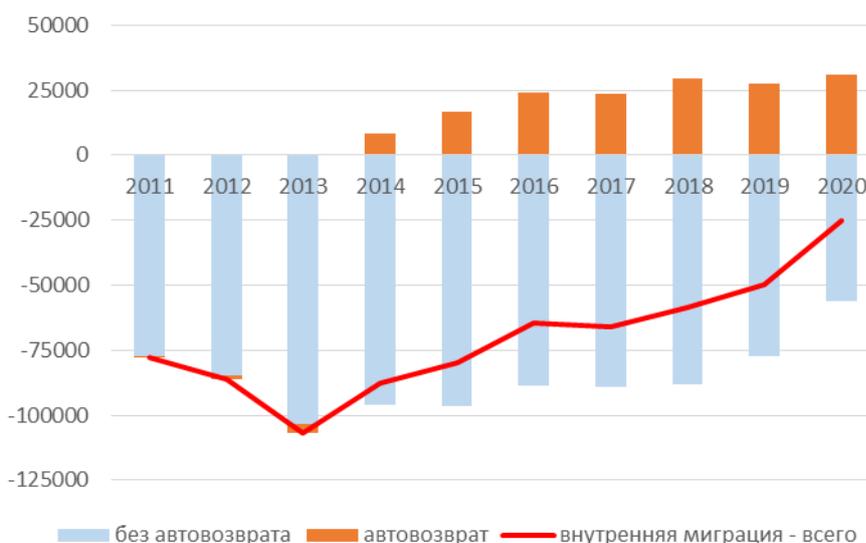
Как в любых направлениях внутривнутристранового перетока населения, существенно снижает отток с Севера автовозврат (рисунок 2). При этом в начале 2010-х годов он даже немного усиливал отток, в 2015 г. снижал его на 17%, в 2019 г. – на 35%, а в 2020 г. – более чем на 50%.

Таблица 3. Миграционный прирост (убыль) населения Севера России, 2011-2020, тыс. человек

	Вся миграция в пределах России			В том числе без учета автовозврата		
	Север – всего*	в том числе:		Север – всего*	в том числе:	
		Европейский север	Азиатский север		Европейский север	Азиатский север
Россия, всего	-702,7	-253,1	-449,6	-857,8	-319,8	-538,0
Центральный	-214,3	-94,0	-120,3	-277,1	-120,3	-156,8
Северо-Западный	-191,9	-115,9	-75,9	-271,6	-160,6	-111,0
Южный	-103,4	-24,2	-79,2	-115,8	-25,8	-90,0
Северо-Кавказский	41,4	3,0	38,4	69,6	7,0	62,6
Приволжский	-47,7	-26,1	-21,7	-29,4	-28,8	-0,6
Уральский	-71,7	-1,2	-70,6	-93,8	-0,7	-93,1
Сибирский	-71,6	3,2	-74,8	-68,6	6,1	-74,7
Дальневосточный	-43,4	2,1	-45,6	-71,2	3,2	-74,4

Примечание: * – Районы Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, без учета территории Республик Тыва и Алтай.

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

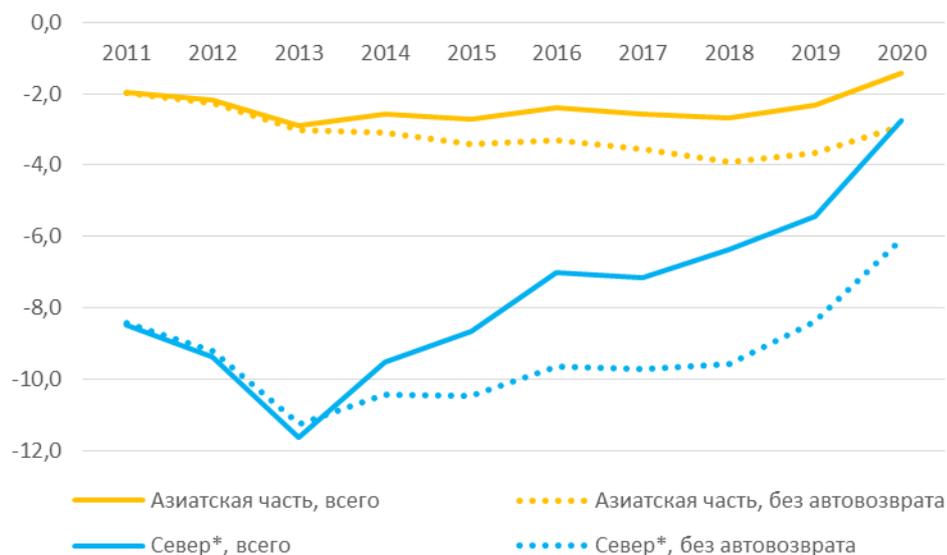
Рисунок 2. Миграционный прирост (убыль) населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, тыс. человек

Примечание: * – Районы Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, без учета территории Республик Тыва и Алтай. МП – миграционный прирост.

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

По интенсивности западный дрейф сильно уступает оттоку с Севера, хотя в последние годы эти показатели сближаются (рисунок 3). Если не учитывать автовозврат, интенсивность западного дрейфа даже нарастала вплоть до 2018 г. и лишь после этого начала сокращаться. Отток с Севера в течение десятилетия уменьшился сильно – почти вдвое за период с 2013 по 2020 г. Падение заметно даже без учета автовозврата и не принимая во внимание нетипичный 2020 г. Причины снижения миграционной убыли Севера России нуждаются в отдельном исследовании.

Рисунок 3. Интенсивность западного дрейфа и оттока с Севера, на 1000 постоянного населения

*Примечание: * – Районы Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, без учета территории Республик Тыва и Алтай.*

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

В остальной части России, притягивающей мигрантов с Востока и Севера, выделяются Центральный, Северо-Западный (та часть, что не относится к Северу) и Южный округа. Как уже говорилось выше, Приволжский и Северо-Кавказский испытывали устойчивый миграционный отток. Если рассматривать эти крупные куски Европейской части страны без учета миграции между ними и Севером и Азиатской Россией, то самый большой миграционный прирост имеет Центральный округ, за ним следует Северо-Западный (таблица 4). А Южный округ уже теряет население, так как отток из него в Центр и на Северо-Запад больше, чем приток из Приволжья и с Северного Кавказа.

При этом Центр теряет население за счет миграции с Северо-Западом, но с лихвой компенсирует отток за счет положительного баланса миграции с остальными округами Европейской части (без учета территорий Севера). На первый взгляд, это странно: Московская агломерация примерно в три раза больше, чем агломерация Санкт-Петербурга, Москва немного выигрывает в миграционном обмене с Северной столицей. Но помимо Москвы в гигантском Центральном округе практически нет территорий устойчивого миграционного прироста (разве что Воронежская и Белгородская области), а на Северо-Западе есть устойчиво притягательная Калининградская область. Поэтому переезд на Северо-Запад для жителей Центра более предпочтителен, чем переезд в Центр для жителей Северо-Запада. А преимущество Москвы (Московской агломерации) реализуется в ее привлекательности для жителей остальных частей рассматриваемой территории.

Таблица 4. Перераспределение населения в Европейской части России (без учета территорий Севера), с учетом автовозврата, 2011-2020, тыс. человек

	Всего	Центральный округ	Северо-Западный округ*	Южный округ	Северо-Кавказский округ	Приволжский округ*
Всего	0,0	636,7	259,0	-46,2	-263,9	-585,6
Центральный округ	-636,7	0,0	43,9	-134,1	-141,0	-405,5
Северо-Западный округ*	-259,0	-43,9	0,0	-43,0	-46,7	-125,3
Южный округ	46,2	134,1	43,0	0,0	-68,2	-62,7
Северо-Кавказский округ	263,9	141,0	46,7	68,2	0,0	7,9
Приволжский округ*	585,6	405,5	125,3	62,7	-7,9	0,0

Примечание: * – без частей, отнесенных к Крайнему Северу и приравненных к ним местностей.

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

Приволжский округ является основным миграционным донором рассматриваемой части страны. Он имеет миграционный прирост с Северным Кавказом, однако размеры его очень невелики.

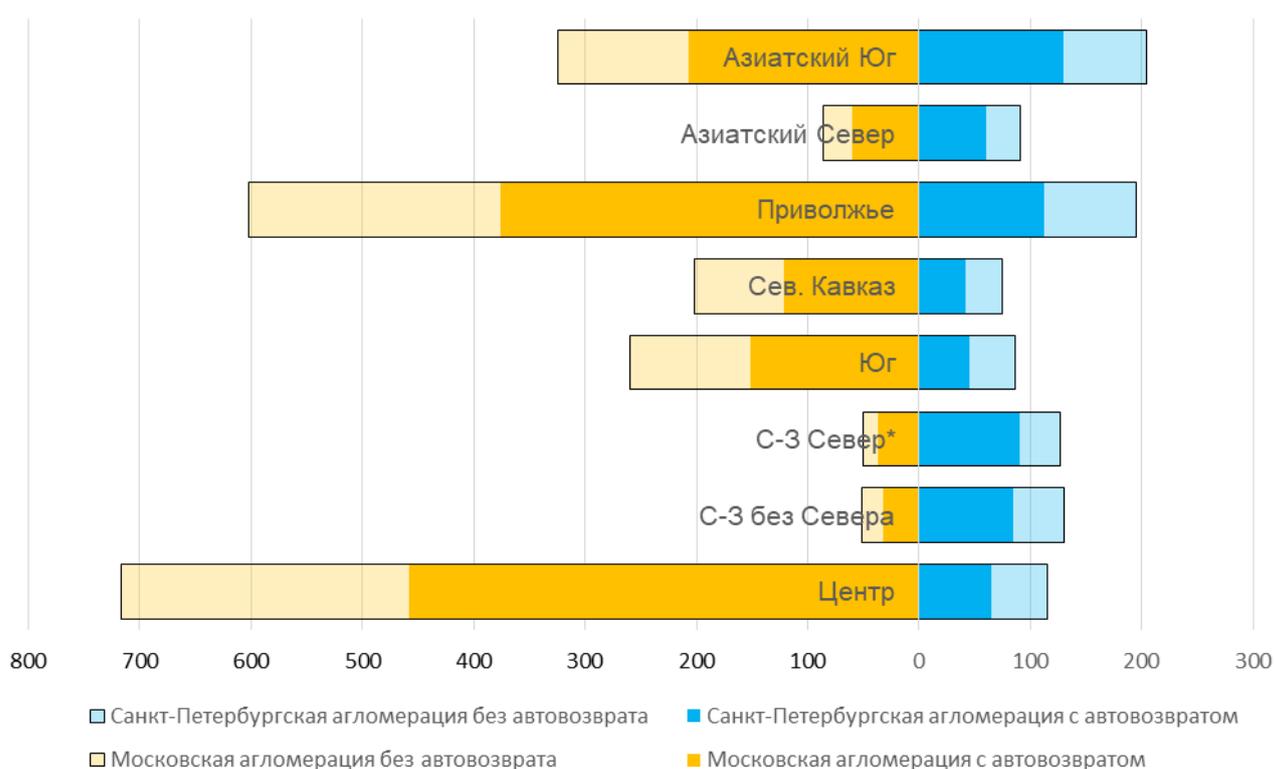
Крупнейшими центрами притяжения населения в России являются агломерации Москвы и Санкт-Петербурга, они буквально «рулят» миграционными потоками в России и обеспечивают миграционную притягательность своих округов. За 2011-2020 гг. с учетом автовозврата их миграционный прирост составил 1443 и 628 тыс. человек соответственно. Без учета автовозврата прирост был существенно больше – 2294 и 1023 тыс. человек. Соотношение миграционного прироста этих двух центров определяется в первую очередь неравновесностью их человеческих масс: число жителей Московской агломерации, по данным ВПН-2020, оценивается нами в 21 млн человек, тогда как Санкт-Петербургской – в 7 млн, обе они серьезно увеличили население за последнее десятилетие. Даже получается, что Санкт-Петербургская агломерация растет за счет миграции из других частей страны несколько интенсивнее, чем Московская. Между двумя крупнейшими агломерациями переток населения идет в пользу Московской, но размер ее абсолютно ничтожен, на уровне статистической погрешности (около 1 тыс. человек в год с учетом автовозврата).

С чем можно сравнить приток населения в две крупнейшие российские агломерации? Миграционный прирост двух этих агломераций, с учетом автовозврата составивший 2070 тыс. человек, превышает миграционный прирост всех агломераций городов с населением 250 тыс. человек и более, составивший, по нашей оценке, 1837 тыс. человек. В этих агломерациях проживало, по данным ВПН-2020, 55,9 млн человек, и они тоже увеличивали в последнее десятилетие свое население. Получается, что интенсивность миграционного прироста двух крупнейших агломераций более чем вдвое выше, чем агломераций всех других российских городов с населением 250 тыс. человек и более. Подробный анализ миграционного прироста крупногородских агломераций см. в (Мкртчян, Гильманов 2023b).

Составляющие миграционного прироста двух крупнейших агломераций существенно отличаются (рисунок 4). Почти треть миграционного прироста Московской агломерации дает миграция из регионов Центральной России, в Санкт-Петербургской «вес» притока из регионов Северо-Запада (с учетом его Северной части) немного ниже. Московская агломерация значимо больше прирастает за счет притока из Южного и

Приволжского округов, а Санкт-Петербургская – за счет округов Азиатской части страны, это подмечают и другие исследования (Микрюков и др. 2020). Это – не новая картина, более тесные связи Санкт-Петербурга с регионами востока страны известна достаточно давно (Замятина 2014; Замятина, Пилясов 2013).

Рисунок 4. Составляющие миграционного прироста Московской и Санкт-Петербургской агломераций, 2011-2020, тыс. человек

Примечание: * – Включая местности, приравненные к Крайнему Северу Приволжского округа.

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

Центров притяжения мигрантов, сопоставимых с двумя крупнейшими агломерациями, в России нет. Краснодарский край, а в последние годы и Крым, хоть и способствуют росту миграционной привлекательности Юга России, но даже их наличие не может привести к сопоставимому миграционному приросту населения этой крупной части страны. Даже без учета оттока населения в Центр и на Северо-Запад миграционный прирост Южного округа (с учетом автовозврата) составил 412 тыс., а с учетом этого оттока – только 259 тыс. человек. Конечно, Юг России является привлекательным местом для переезда россиян, в особенности старших возрастов, как будет показано ниже, однако как место, где можно делать трудовую карьеру или получить образование, он никак не сопоставим не только со столичными агломерациями, но и, например, уступает агломерациями Урала и Сибири, а по возможности заработать – многим территориям российского Севера.

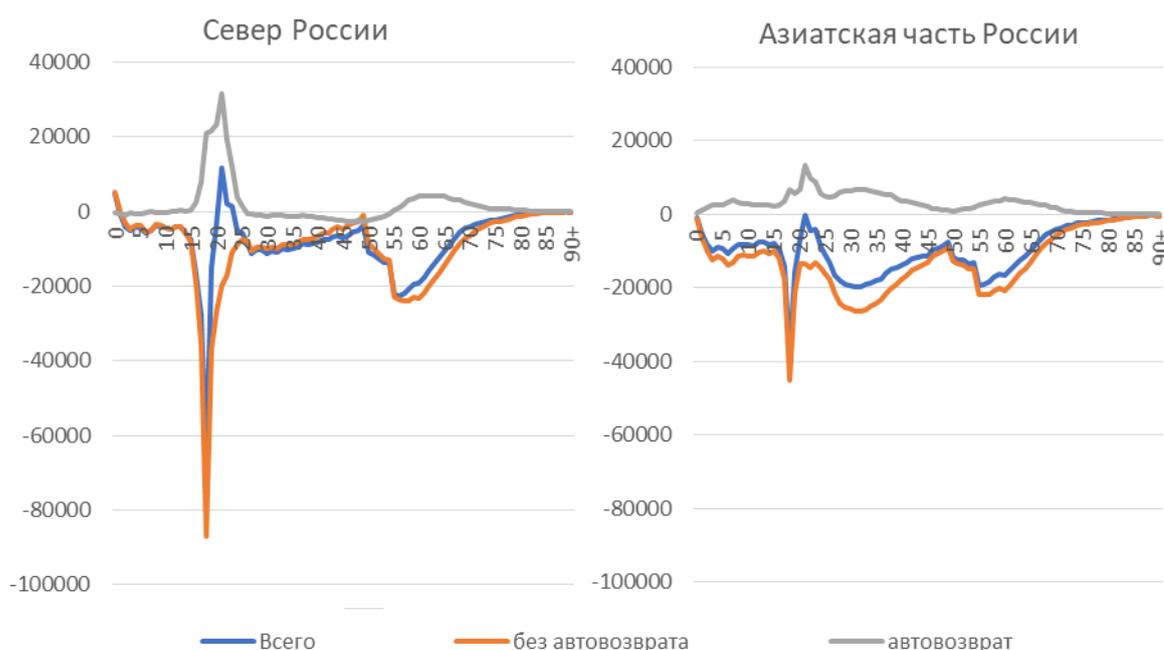
Особенности возрастной структуры перетока населения

Миграционный отток населения из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, а также западный дрейф в разной мере затрагивают возрастные группы населения. Отток с Севера формируют две основные волны миграции:

1. молодежь студенческих возрастов. Сеть вузов в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностей представлена сравнительно небольшим числом учреждений ВПО, а в ряде регионов, например в Ненецком АО, вузов нет, в Ямало-Ненецком и Чукотском АО есть только небольшие филиалы, в Норильске – только один вуз. Отток молодежи обеспечивается достаточно хорошим качеством школьного образования и материальными возможностями многих родителей обеспечивать проживание своих детей вдали от дома. Кроме того, отправка ребенка «на материк» нередко сопровождается покупкой жилья в городе, где он будет получать образование, с прицелом на последующий переезд родителей по выработке «северного стажа»;
2. население в возрасте 50-65 лет. На Севере выход на пенсию возможен на 5, а на отдельных работах – на 10 лет раньше установленного законодательством срока, что дает возможность «молодым» северным пенсионерам переезжать в довольно активном возрасте в регионы с более комфортными природно-климатическими условиями (Ефремов 2016).

Отток из Азиатской части страны (западный дрейф) также представлен молодежью студенческих возрастов, пенсионерами и людьми в возрасте наиболее высокой экономической активности (рисунок 5). Пики оттока при этом более сглаженные.

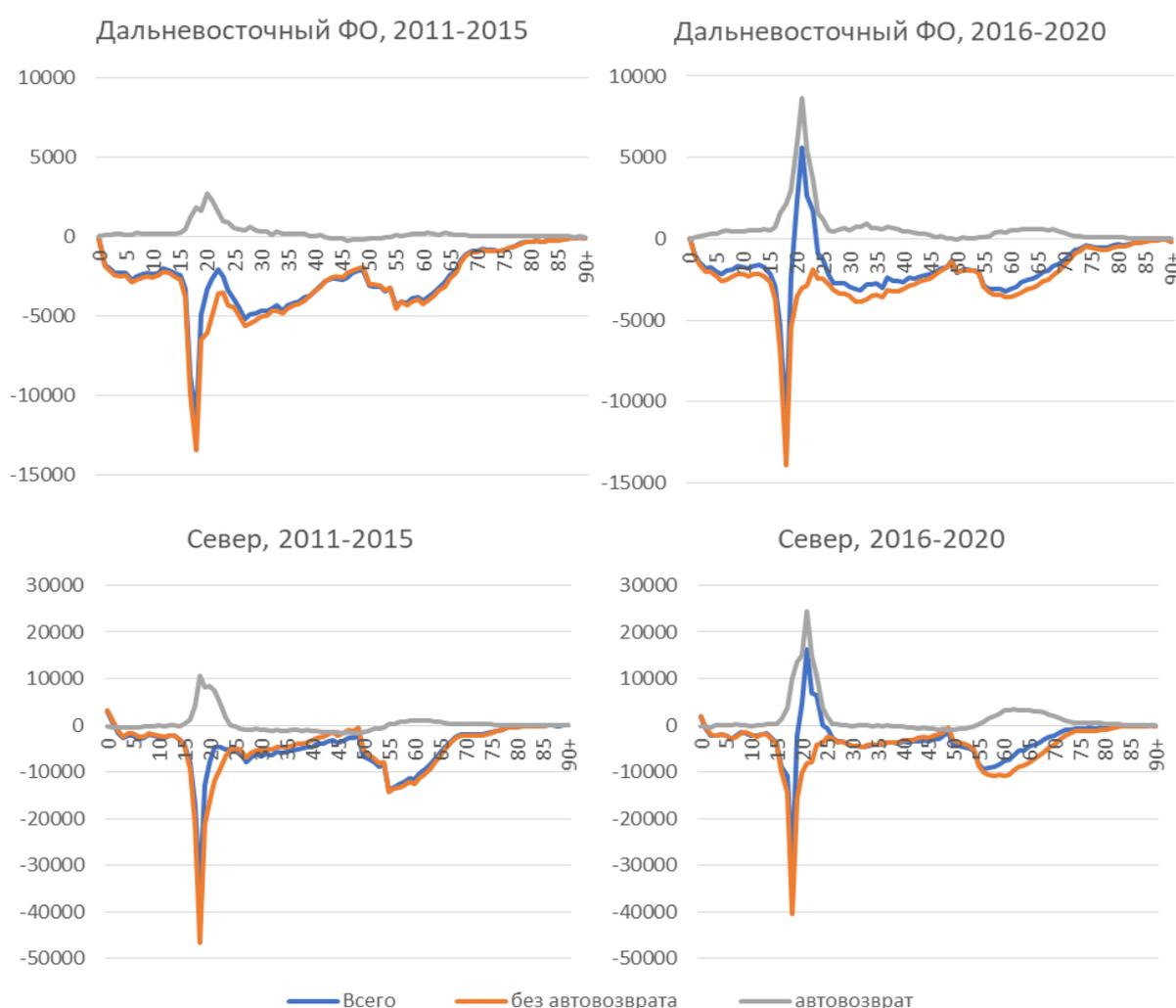
Рисунок 5. Миграционный прирост (убыль) населения Севера и Азиатской части России по 1-летним возрастным группам, 2011-2020, человек

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

Как видно на рисунке 5, автовозврат сокращает отток населения, но его сглаживающее влияние в первую очередь отмечается в молодых, прежде всего, студенческих возрастах. В отдельных возрастах (20-23 года) он настолько велик, что обеспечивает прирост населения. Автовозврат проявил свою силу не сразу, число регистраций по месту пребывания должно было накопиться. Поэтому особенно сильно его влияние проявляется во второй половине 2010-х годов (рисунок 6). Такая специфика учета миграции населения создает статистическую иллюзию, что почти все уехавшие на учебу возвращаются после ее окончания домой, туда, где они закончили школу. На самом деле это происходит редко и, если происходит, зачастую является последствием провала планов, личного неуспеха².

Рисунок 6. Миграционный прирост (убыль) населения Дальнего Востока и Севера по 1-летним возрастным группам, 2011-2015 и 2016-2020, человек

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

² По материалам студенческой экспедиции «Возвратная миграция молодежи в нестоличные территории (на примере отдельных населенных пунктов Воронежской, Саратовской областей, 2021 год)» в рамках проекта «Открываем Россию заново».

На Севере автовозврат завышает отток населения в наиболее активных трудоспособных возрастах (таблица 5). Это означает, что люди в этом возрасте достаточно активно едут на Север, оформляя регистрацию по месту пребывания на длительный (превышающий 9 месяцев) срок. И это помимо того, что Север привлекает внутрискановых трудовых мигрантов. Поэтому, несмотря на отток молодежи студенческих возрастов, миграционный баланс Севера с экономической и демографической точек зрения не так неблагоприятен, как может показаться на первый взгляд. На Севере отток людей в возрасте 50 лет и старше без учета автовозврата составляет 42% общей миграционной убыли и в 1,4 раза превышает отток населения в возрасте 20-49 лет. Западный дрейф также на 30% представлен лицами старших возрастов, но лиц в активных трудоспособных возрастах уезжает с востока на запад страны больше, чем людей в возрасте старше 50 лет.

Таблица 5. Миграционный прирост (убыль) населения Азиатской части и Севера России по укрупненным возрастным группам, 2011-2020, тыс. человек

	Азиатская Россия			Крайний Север и приравненные к ним местности*		
	всего	без автовозврата	автовозврат	всего	без автовозврата	автовозврат
Всего	-885,8	-1161,4	275,6	-702,9	-857,9	155,0
0-14	-119,8	-156,9	37,2	-54,7	-50,5	-4,2
15-19	-85,5	-106,1	20,5	-133,6	-187,1	53,5
20-24	-24,5	-69,0	44,5	7,1	-83,3	90,3
25-29	-77,8	-104,7	26,9	-46,3	-44,6	-1,6
30-49	-286,1	-369,0	82,9	-162,3	-128,4	-34,0
50-64	-222,6	-264,3	41,7	-248,8	-272,4	23,6
65 и старше	-69,6	-91,4	21,8	-64,2	-91,6	27,4

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

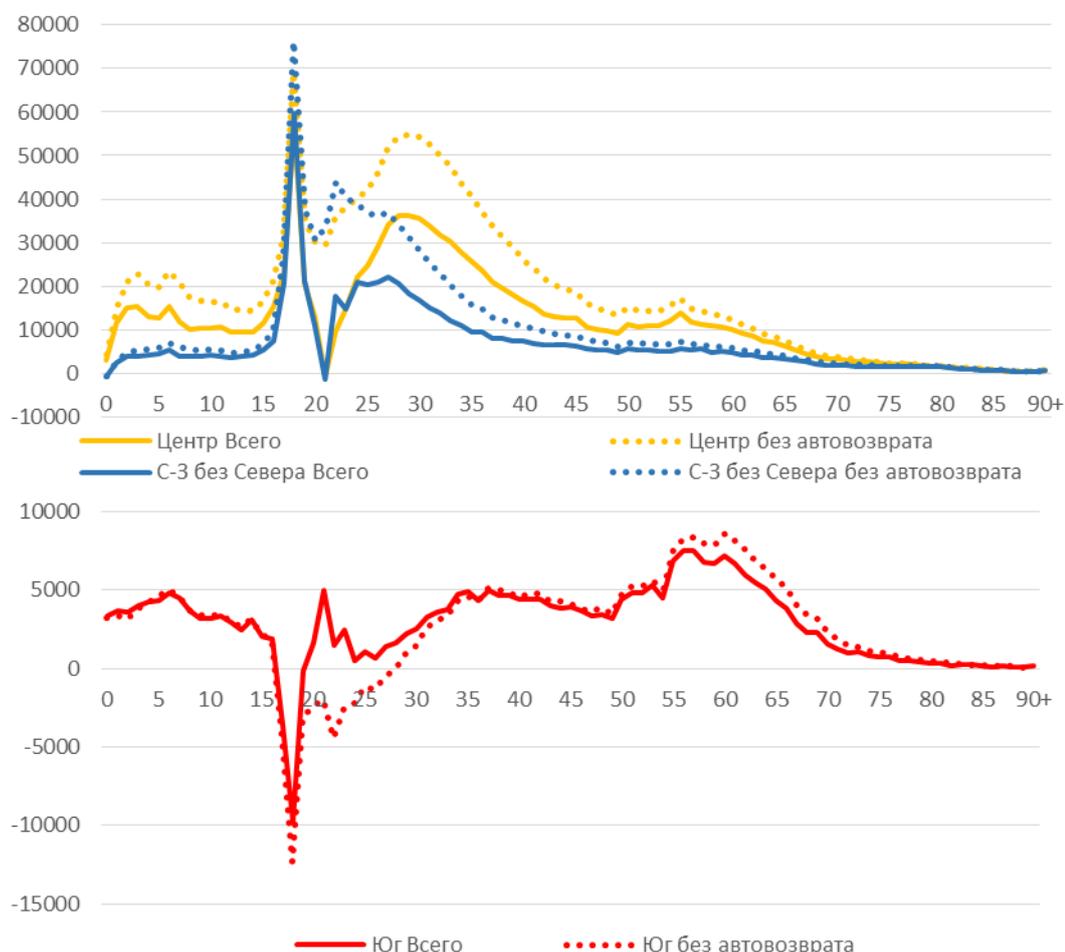
Примечание: * – Без учета территории Республик Тыва и Алтай, изолированных от основной территории Севера.

На полюсе притока, в растущих за счет внутренней миграции округах Европейской части страны, распределение миграционного прироста по возрастным группам, естественно, зеркально миграционной убыли Севера и Востока страны и тех частей Европейской части, которые теряют население. Пики притока в Центре и на Северо-Западе приходится на студенческие возраста, что не удивительно, учитывая, что миграцией в этих округах дирижируют Москва и Санкт-Петербург, крупнейшие вузовские центры страны. Обратим внимание и на второй пик в Центре, который также связан с Московской агломерацией. На Северо-Западе такого пика нет, что отличает его от Центра, нет и никакого подъема в возрастах после 50 лет (рисунок 7).

Отличия статистики, на которую опирается Росстат (с учетом автовозврата), от миграции без автовозврата наглядны: автовозврат занижает все пики, но если студенческие пики занижены немного, то пики в возрастах 20-39 лет – сильнее. Как видим, спада миграционного прироста до нулевого уровня в возрасте 21 год нет. На Северо-Западе нет и пика в возрасте 25-35 лет, как в Центре, фактически, до 35 лет происходит медленное падение первого пика. С чем связаны эти отличия от Центра, непонятно, так как «ответственны» за оба пика крупнейшие агломерации. Видимо, мотивация миграции в них очень похожа, как и возрастной «портрет» ее участников, но, оказывается, на Северо-Запад

переселяются в более молодых возрастах. Вопрос, почему миграционный прирост Центра более «возрастной», чем Северо-Запада, требует дальнейших исследований.

Рисунок 7. Миграционный прирост (убыль) населения Центрального, Северо-Западного и Южного округов по 1-летним возрастным группам, 2011-2020, человек

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

Миграционный прирост в Южном округе, помимо того, что несопоставим по масштабам с Центральным и Северо-Западным, определяется иными возрастными группами населения. Прежде всего, Юг теряет молодежь студенческих возрастов, что является следствием малой востребованности вузов его городов для жителей других частей страны (Габдрахманов, Никифорова, Лешуков 2019). Миграционный прирост молодежи в возрасте 20 лет и старше – в значительной мере статистический артефакт, так как без учета автовозврата он пропадает. Однако исследование на других данных, а именно Мониторинге трудоустройства выпускников (Антосик, Ивашина 2021), показывает, что в отдельные регионы Юга, прежде всего в Краснодарский край, идет приток выпускников вузов, но, видимо, он осуществляется прежде всего в пределах округа, в частности из Ростовской области. По молодежной миграции Юг России принципиально отличается от Центра и Северо-Запада и мало отличим от остальных частей страны. При этом основная специфика миграционного баланса Южного округа – приток населения в возрасте 50 лет и старше.

Получается, что в Центре миграционный прирост на 2/3, а в Северо-Западе – на 3/4 обеспечивается за счет населения в возрасте 15-49 лет, причем без автовозврата доля этих возрастов еще более возрастает. На Юге картина иная: миграционный прирост лишь на треть составляют люди в возрасте 15-49 лет, без учета автовозврата их доля снижается до 20%. Приток населения в возрасте старше 50 лет обеспечивает 45%, а без учета автовозврата – 57% всего миграционного прироста населения округа (таблица 6). Если в Центральном и Северо-Западном округах миграция противостоит старению населения, то в Южном, напротив, ускоряет его. Автовозврат сглаживает эту картину, без его учета роль миграции в динамике структуры населения еще контрастнее.

Таблица 6. Миграционный прирост (убыль) населения Центрального, Северо-Западного и Южного округов по укрупненным возрастным группам, 2011-2020, тыс. человек

	Центральный округ		Северо-Западный округ (без Севера)		Южный округ	
	всего	без автовозврата	всего	без автовозврата	всего	без автовозврата
Всего	1114,6	1720,5	613,4	992,3	258,5	242,2
0-14	167,5	257,9	53,8	72,7	54,2	54,7
15-19	127,7	172,4	114,2	156,6	-9,6	-15,8
20-24	58,3	173,9	62,5	187,4	11,0	-13,7
25-29	160,3	248,6	102,1	175,0	7,0	-2,2
30-49	389,4	607,5	171,6	265,7	80,1	79,9
50-64	156,2	197,3	72,7	91,7	89,4	103,5
65 и старше	55,2	62,9	36,4	43,1	26,4	35,7

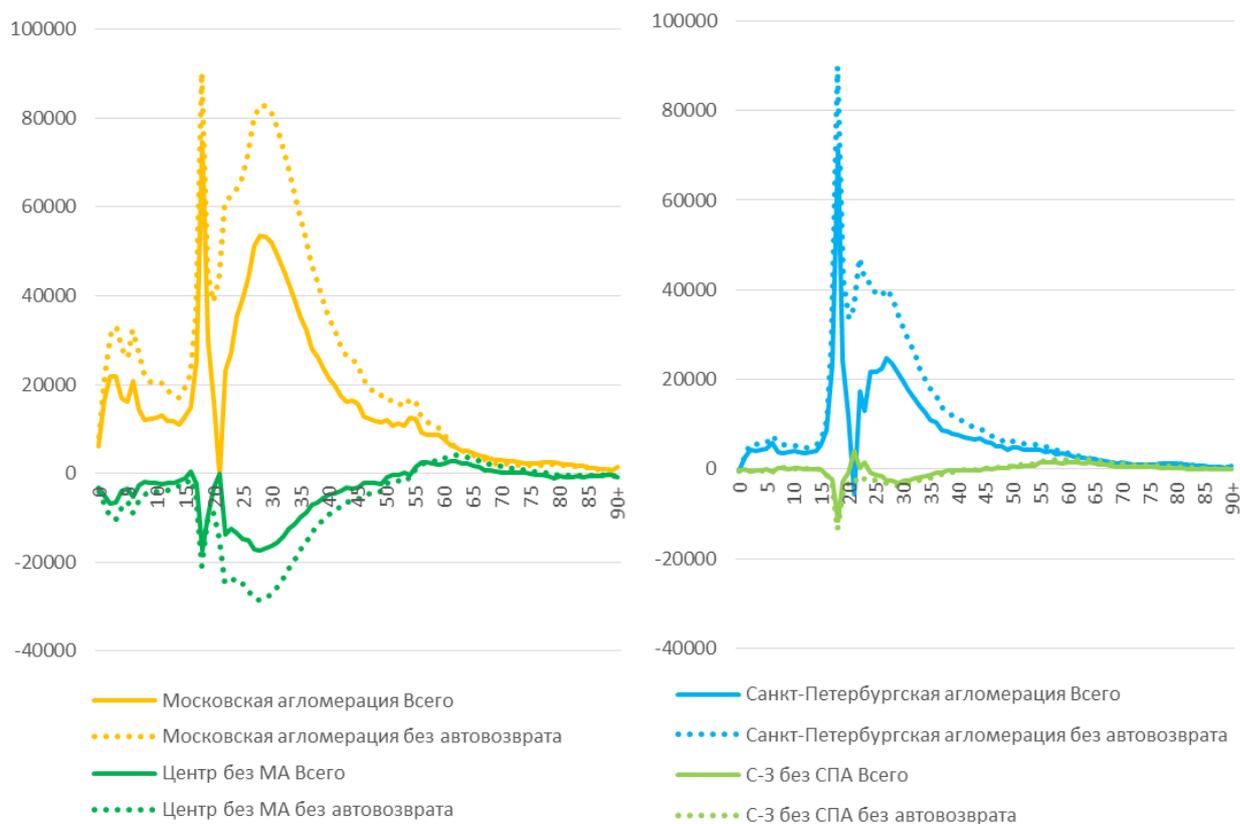
Источник: Росстат, неопубликованные данные.

Если «вычленим» из Центрального округа Московскую, а из Северо-Западного Санкт-Петербургскую агломерации, миграционный баланс оставшихся территорий изменится принципиально (рисунок 8). Понятно, что крупнейшие центры притяжения населения странового масштаба определяют не только размеры, но и распределение по возрасту миграционного прироста населения своих округов. Также видны особенности перетока населения в пределах округов – агломерации стягивают учебных мигрантов (+/- 18 лет) и лиц наиболее активных трудоспособных возрастов со своего ближайшего окружения.

Получается, что в общем миграционном приросте Центра и Северо-Запада внеагломерационная зона «ответственна» лишь за небольшой (36 и 42 тыс. человек соответственно без учета автовозврата) миграционный прирост населения в возрасте 50 лет и старше. Часть этого притока формируют, в частности, мигранты с Севера, которые называют эти части территории страны «Средней полосой» – такой ответ на вопрос «Куда Вы планируете переехать?» в анкетном опросе давали жители городов Воркута, Ухта, Салехард³.

³ По материалам студенческой экспедиции «Миграционные процессы в регионах и населенных пунктах с разными видами хозяйственной деятельности (Республика Коми и ЯНАО), 2022 г.» в рамках проекта «Открываем Россию заново».

Рисунок 8. Миграционный прирост Центрального и Северо-Западного федеральных округов по 1-летним возрастным группам, 2011-2020, человек

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

Учитывая, что население Санкт-Петербургской агломерации, и, в частности, Санкт-Петербурга, почти в 3 раза меньше, чем Московской агломерации и Москвы, интересно, что приток населения в возрасте 18 лет в агломерацию Санкт-Петербурга по абсолютным масштабам практически не отличается от притока в Московскую агломерацию. Это говорит об очень высокой привлекательности Северной столицы для студентов.

Заключение

В данной работе проанализировано перераспределение населения России между группами регионов, четко делимитированных по особенностям пространственно-географического положения и понятных с административной точки зрения (за исключением столичных агломераций), произведена достаточно общая оценка миграции в стране в 2010-е годы на макроуровне. Подобные попытки предпринимались ранее, в том числе автором (Мкртчян 2003; Мкртчян, Карачурина 2014), поэтому проведенное исследование носит в значительной мере «мониторинговый» характер. Следует констатировать, что в направлениях миграции в сравнении с предшествующими десятилетиями в России изменений мало, даже объем перераспределяемого населения остался почти на прежнем уровне. Это – результат действия прямо противоположных процессов:

- во-первых, можно было бы ожидать усиления перетока населения между отдельными частями страны, так как число фиксируемых Росстатом переселений в 2010-е годы по сравнению с 2000-ми более чем удвоилось. Однако, как показал анализ, этого удвоения не было, недоучет миграции в прошлые десятилетия сменился ее «переучетом». Причем этот переучет (связанный с автовозвратом) в силу его природы не обостряет миграционное поле, а сильно сглаживает его перепады;
- во-вторых, в России достигнут достаточно высокий уровень концентрации населения в крупных городах, официальный уровень урбанизации застыл на значении 73-75%. Завершился или близок к завершению исход населения из населенных пунктов и территорий, экстенсивно развивающихся в условиях плановой экономики, а в рыночной экономике ставших «перенаселенными». Например, Север России уже в начале 1990-х годов считался перенаселенным на 20-40% (Зайдфудим и др. 1994). Это позволяло ожидать, что потенциал оттока населения из этих частей страны почти исчерпан, что иллюстрирует, например, название главы о внутренней миграции в одном из значимых демографических докладов (Вишневский, Бобылев 2008): «Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее». Но переток населения, как видно, не ослабевает...

Как показали расчеты, важной компонентой западного дрейфа является отток с Севера. При этом вопрос, к чему причислить, например, отток населения из Якутии, Магаданской области или Сахалина (к оттоку с Севера или к западному дрейфу), может решаться по-разному в зависимости от исследовательских задач. В данной статье лишь показано соотношение того и другого потоков в Азиатской части страны, а также произведены расчеты, в какой мере отток с Севера сглаживает потери территорий Юга Урала, Сибири и Дальнего Востока от западного дрейфа.

Все 2010-е годы на разных уровнях не стихали призывы если не перенаправить потоки миграции в восточном/северном/геостратегически «важном» направлении, то решительно прекратить отток населения из этих мест, в особенности молодежи. Например, одной из таких целей, будто бы, служило развитие Дальневосточного федерального университета. Однако анализ показывает, что даже в масштабах Дальнего Востока никакого влияния это не оказало: Приморский край как проигрывал, так и продолжает проигрывать Хабаровскому краю в потоках мигрантов студенческих возрастов.

Высказывались идеи создавать новые города в Сибири и на Дальнем Востоке ⁴, однако на практике непропорционально большая доля нового жилья (35% от всей страны в 2022 г. (Росстат 2022)) продолжает строиться в агломерациях Москвы и Санкт-Петербурга и в Краснодарском крае. По сравнению с 2012 г. (27%) доля этих регионов во вводе жилья увеличилась, в то время как, например, на Дальнем Востоке (в нынешних границах округа) в 2012 г. вводилось 4% жилья в России (Росстат 2014), а в 2022 г. – 3,5% (Росстат 2022). И это на фоне постоянных стенаний о невозможности дальнейшей концентрации населения в крупнейших мегаполисах. Миграция – важный двигатель цен на жилье не только в России: в Китае приток населения демонстрирует значительную положительную корреляцию с ценами на городское жилье (Lin et al. 2018). Неудивительно поэтому,

⁴ Сибирские мечты Сергея Шойгу (2021). *Newsland*, 21.10. 2021. <https://newsland.com/post/7493613-sibirskie-mechty-sergeia-shoig>

что население России продолжает концентрироваться в крупнейших агломерациях – рынок жилья очень сильно связан со спросом, реальные приоритеты экономических властей и крупного бизнеса также прагматичны.

Произведенные расчеты также показали, что основным участником макрорегионального перетока населения являются люди в студенческих возрастах и возрасте наиболее высокой экономической активности. Именно они стягиваются в крупнейшие городские агломерации. Вместе с тем заметен переток лиц старших возрастов с Севера и Востока России, для которых притягательны южные, наиболее благоприятные в природно-климатическом отношении регионы страны. Это далеко не новая тенденция (Карачурина, Иванова 2017). В данной статье показаны только самые общие особенности перераспределения населения отдельных возрастов, это – перспективное направление дальнейших исследований.

Литература

- Антосик Л.В., Ивашина Н.В. (2021). Факторы и направления межрегиональной миграции выпускников вузов в России. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, 2, 107–125. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-107-125>.
- Вишневецкий А.Г., Бобылев С.Н. (Ред.) (2008). Россия перед лицом демографических вызовов. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Москва: Academia.
- Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю., Лешуков О.В. (2019). «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России. Москва: НИУ ВШЭ.
- Ефремов И.А. (2016). Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России. *Регионоведение*, 97(4), 140-159.
- Зайдфудим П.Х., Фролов О.П., Бобков О.И., Широков А.А., Скоробогатов Ю.В. (1994). *Социальная реабилитация населения Севера России*. М.: ИВЦ «Маркетинг».
- Замятина Н.Ю. (2014). Расслоение пространства. Миграция с Севера как индикатор статусных различий городов России. *Отечественные записки*, 3, 165-178.
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. (2013). Север, социальные сети и «диаспора наоборот». *Демоскоп Weekly*, 547-548. <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0547/analit07.php>
- Захаров С.В. (Ред.) (2018). Население России 2016: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Карачурина Л.Б., Иванова К.А. (2017). Миграция пожилых в России (по данным Переписи населения 2010 г.). *Региональные исследования*, 2017, 57(3), 51-60.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Петросян А.Н. (2021). Пространственные особенности миграционного прироста пригородов региональных столиц России. *Вестник Московского университета, Серия 5. География*, 6, 123–134.
- Микрюков Н.Ю., Письменная Е.Е., Безвербный В.А., Рязанцев С.В. (2020). Современные тенденции межрегиональных миграций в России. *Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки*, 3-4, 15-30. <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2020-3-4-02>.
- Мкртчян Н.В. (2003). Из России в Россию: откуда и куда едут внутренние мигранты. *Мир России. Социология. Этнология*, 12(2), 151-164.

- Мкртчян Н.В. (2009). Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа. *SPERO: Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*, 11, 149-164.
- Мкртчян Н.В. (2020). Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. *Демографическое обозрение*, 7(1), 83-99. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>
- Мкртчян Н.В., Гильманов Р.И. (2023а). Движение вверх: миграция между уровнями поселенческой иерархии в России в 2010-е годы. *Известия РАН. Серия географическая*, 87(1), 29-41. <https://doi.org/10.31857/S2587556623010132>
- Мкртчян Н.В., Гильманов Р.И. (2023b). Крупные города России и их пригороды как центры притяжения внутренних мигрантов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 68(1). <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.103>
- Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. (2014). Миграция в России: потоки и центры притяжения. *Демоскоп Weekly*, 595-596. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0595/demoscope595.pdf>
- Росстат (2014). *Регионы России. Социально-экономические показатели 2013*. https://gks.ru/bgd/regl/B13_14p/Main.htm
- Росстат (2022). *Доклад «Социально-экономическое положение России»*. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf>
- Росстат (2023). *Численность и миграция населения России в 2022 г. Статистический бюллетень. Предисловие*. <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283>
- Alvarez M., Bernard A., Lieske S.N. (2021). Understanding internal migration trends in OECD countries. *Population Space and Place*, 27(7), e2451. <https://doi.org/10.1002/psp.2451>
- Bernard A., Pelikh A. (2019). Distinguishing tempo and ageing effects in migration. *Demographic Research*, 40, 1291-1322. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2019.40.44>
- DeWaard J., Fussell E., Curtis K.J., Ha T.J. (2019). Changing Spatial Interconnectivity during the "Great American Migration Slowdown": A Decomposition of Intercounty Migration Rates, 1990-2010. *Population Space and Place*, e2274. <https://doi.org/10.1002/psp.2274>
- Lin Y., Ma Z., Zhao K., Hu W. (2018). The Impact of Population Migration on Urban Housing Prices: Evidence from China's Major Cities. *Sustainability*, 10(9), 3169. <https://doi.org/10.3390/su10093169>
- Lomax N., Stillwell J., Norman P., Rees P. (2014). Internal Migration in the United Kingdom: Analysis of an Estimated Inter-District Time Series, 2001–2011. *Applied Spatial Analysis and Policy*, 7(1), 25-45. <https://doi.org/10.1007/s12061-013-9098-3>
- McCollum D., Ernten-Birns A., Feng Z., Everington D. (2020). Mobile no more? The innovative use of administrative data linked to a census-based longitudinal study to investigate migration within Scotland. *Population Space and Place*, e2312. <https://doi.org/10.1002/psp.2312>
- Stawarz N., Sander N., Sulak Y., Rosenbaum-Feldbrügge M. (2020). The turnaround in internal migration between East and West Germany over the period 1991 to 2018. *Demographic Research*, 43(33), 993-1008. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.43.33>

- Sunganani S.V., Bernard A., Charles-Edwards E., Corcoran J. (2020). Decline in internal migration levels in Australia: Compositional or behavioural effect? *Population Space and Place*, e2341. <https://doi.org/10.1002/psp.2341>
- Tao L., Yuanjing Q., Guangzhong C., Hui L. (2015). Spatial patterns, driving forces, and urbanization effects of China's internal migration: County-level analysis based on the 2000 and 2010 censuses. *Journal of Geographical Sciences*, 2015, 25(2), 236-256. <https://doi.org/10.1007/s11442-015-1165-z>
- Zhang H., Zhuang Y. (2019). The impact of soil erosion on internal migration in China. *PLoS ONE*, 14(4), e0215124. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0215124>